

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА



БЕГУЩАЯ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

СВАДЕБНЫЙ КОСТЮМ

Костюм был хорош. Как произведение искусства. Словно его сотворил не портной, а изваял скульптор. Взял ткань, отсёк всё лишнее, и получилось швейное чудо.

Лукерья Петровна, увидев костюм, расплакалась. Мозолистой рукой она вытирала неловкие слезы. Сила крепкой материнской руки была ей как знакома Лёшке. Если она ударяла его по мягкому месту, то так больно, словно припечатывала Лёшкин зад разделочной доской.

Видя материнские слезы, Лёшка не знал, как себя вести. Он переминался с ноги на ногу и неуклюже улыбался.

— Ну, чего лыбишься? — Афанасий Петрович беззлобно и небольно ткнул кулаком в плечо племянника, но Лёшка слегка покачнулся. — Еле на ногах стоишь! Худина ты этакая!

— Хорошо, что не скотина! — Лёшка рассмеялся от своей находчивости. — Дядя Афанасий, ты который год живёшь в городе, а всё наши словечки употребляешь.

— Ты прав, Лёшка, деревню из меня не вытравить. Нравится костюм-то? А то матушка твоя рыдает, как по покойнику.

РОМАНОВА Наталья (Сегень Наталья Владимировна) родилась в Тюменской области, окончила Уральский Государственный педагогический университет. Специалист по социальной работе. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах "Смена", "Литературная учеба", "Форум", "Полярная звезда", "Север", "Простор", "Новгород литературный", "Русское эхо", "Вертикаль XXI век" и многих других. Лауреат премий "Русский позитив" Российского Фонда мира и "Патриот России" Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

— Афонька, ну тебя! — Лукерья отвернулась и вытерла слезы. — Скажешь тоже. Лёшка, а ты чего дядечке своему не благодарствуешь? Кланяйся, кланяйся!

— Лукерья, да полно тебе! Поклоны это раньше барам отвечивали, а мы советские люди, и нам замашки крепостнического *устройства* ни к чему.

— Как не нравится, дядя Афанасий? Как не нравится? Очень нравится! Аж дух захватывает!

Лёшка провёл рукой по пиджаку:

— Гладкий!

— А где ты занозистый костюм видел? — прыснул Афанасий Петрович.

Лёшка снова погладил рукой пиджак.

— Чего ты его наглаживаешь? — заругалась Лукерья Петровна. — Пятно поставишь!

— Руки чистые. — Лёшка на всякий случай ещё раз обтёр их об штаны.

— Чистые! А земля под ногтями!

Лёшка хотел что-то возразить, но зная, что матери перечить нельзя, передумал.

— Сходить руки помыть?

— А чо их мять? Хоть мой, хоть не мой, а костюм больше не лапш.

— Здрасьте! — Афанасий Петрович удивлённо посмотрел на сестру. — А мерить как?

— А чего костюму примерки устраивать? И так видно, что ладно будет.

— Нет, примерить надо. Вдруг он Лёшке мал?

— Похудеет! — отрезала Лукерья Петровна.

— А вдруг большой?

— Отожрётся.

— Лукерья, но ведь...

Лукерья Петровна не дала брату договорить:

— Костюм не дам надевать. Уберу в сундук — пусть там лежит до свадьбы. Начнёт надевать на себя — порвёт или пятно поставит. Чо ли я сына родного не знаю? Давеча надел новую рубаху, со ступеней стал спускаться и наверху. И чо ты думаешь, Афанасий? Порвал! Порвал, стервец! У меня сердце слезою изошло. А ему хоть бы хны!

Лёшка долго не забудет тот подзатыльник за порванную рубаху — уж слишком от души он был подарен матерью! Сейчас он и не пытался просить надеть костюм — всё равно не даст! Рассвирепеет ещё больше и не только порванную рубаху припомнит...

Целую неделю шли смотрины костюма. Приходили соседки с дочками, и каждый раз Лукерья Петровна с важностью, неторопливо открывала сундук, доставала из него небольшой тюк, развязывала его и демонстрировала всем костюм.

— Хорош! — охали бабы.

— А ткань-то! Как называется?

— Хишимир, — со знанием дела отвечала Лукерья.

— Щедрый у тебя братец! Город не испортил мужика нашего, деревенского.

— А Лёшка-то, наверное, совсем красавец в такой одежке!

— Придёт время — наденет! До женихов ещё не дорос.

— Не скажи, Лукерья! Скоро осмнадцать годков.

— Жениться — дело не хитрое. По душе жену выбирать-то надо.

— Ему Мария нравится, — сказала Дашка, дочь Аграфены Кузовлёвой, — только, тётка Лукерья, я не выдавала вам Лёшку!

— Мария? — вскинула бровь Лукерья. — Что за Мария?

— Тимохи дочь.

— Тимохи? Пяницы тово?

— Так Мария не пьёт. Тихая. Скромная.

— Не дам я ему на свадьбу с дочкой Тимохи костюм! Другую найдёт! И вообще, чо разговор про свадьбу завели? Поговорить не о чем? Разглядели наряд? Убираю его.

Бабы провожали костюм печальным взглядом. У их-то сыновей не будет таких костюмов на свадьбу, и у дочерей навряд ли женихи будут щеголять в таком виде.

Время от времени Лукерья открывала сундук и смотрела на костюм. Представляла, как женит сына, какой Лёшка будет справный жених, как на нём будет сидеть этот костюм...

Лёшка и сам тайком от матери разглядывал костюм. Он думал о Марии, что непременно женится на ней. Ему очень хотелось примерить костюм, но было как-то боязно. Он даже, чтобы не искушать себя, придумал, что если наденет костюм, то не женится на Марии, потому крепился и глушил своё любопытство.

Война стала бить по всем и сразу. Алексея Волобуева призвали на фронт одним из первых в деревне: в мае ему исполнилось восемнадцать лет. Другая, которым было чуть меньше, и по возрасту их не брали в армию, завидовали Лёшке и по-белому, и по-чёрному.

Каждое письмо, приходившее с фронта, читали хором на бабий лад — с причитаниями и присказками.

— Чтоб ни дна ни покрывки супостату этому, Гитлоре проклятой!..

— Робятки наши гибнут, поля засеваем — кто исть будет?..

— Немец к Москве рвётся. Боюсь я, бабоньки: ну, как возьмут её?

— Типун тебе на язык, дура! — Лукерья Петровна замахнулась полотенцем на Аграфену. — Не взять им Москвы! Руки длины не той.

Первая похоронка в деревне пришла в дом Тимохи: погиб смертью храбрых. Так было написано на маленьком листочке, который крутила в руках его дочка Мария. Жизнь её теперь разделалась на две половины — с отцом и без отца.

— Прости нас, Тимофей. Мы всё “пьянь” да “пьянь” на него, — говорили бабы, — а он погиб геройски!

— Ты заходи, Машенька, заходи ко мне, — Лукерья Петровна неловко приобняла Марию, — даст Бог, невесткой станешь. У нас и костюм на свадьбу есть. Война кончится, придёт Алексей с фронта — поженю вас. Знаешь, какую свадьбу устроим!

— Пришёл бы только, — тяжело, по-бабьи вздохнула семнадцатилетняя Дашка, подружка Марии, но Лукерья посмотрела на неё так грозно, что та быстрёхонько спряталась за широкую спину Аграфены.

Мария почти каждый вечер стала заходить к Лукерье. Долгими часами они вспоминали Лёшку. А в мечтах о свадьбе иногда разворачивали скатерть, в которую был завернут костюм, и подолгу смотрели на него.

Последнее письмо от сына Лукерье пришло в ноябре...

Погиб рядовой Алексей Волобуев, защищая Москву, чтобы ни одна бабонька в деревне больше не боялась, что возьмут немцы столицу России.

Когда пришла похоронка, первые слова, какие сказала Лукерья, были о costume:

— Так ни разу и не надел.

Мать не знала, что это были последние слова её сына. Больше она не открывала сундук, чтобы полюбоваться на костюм.

И вот пришла долгожданная победа, выкованная подвигами сыновей и молитвами матерей. В деревню стали возвращаться мужики, кому было суждено остаться в живых. Зарождалась новая мирная жизнь.

— Тётка Лукерья, приходи к нам в субботу, — сказал Ванька Свиридов, проходя мимо колодца, где она набирала воду. — Свадьба у меня.

Лукерья Петровна молча кивнула, хотя знала, что не пойдёт. Слово “свадьба” обожгло её сердце. Никогда ей не женить своего Лёшку...

— Тётка Лукерья, — постучался вечером к ней в дверь Ванька, — я чего пришёл...

— Раз пришёл, так говори.

— У Лёшки костюм был. Помните?

Как ей было не помнить?

— Тётка Лукерья... Лукерья Петровна... Я понимаю, что... Но свадьба у меня.

У самой суровой в деревне женщины вдруг хлынули слёзы. Она склонилась на стол и зарыдала так, что у Ваньки подкосились ноги.

— Тётя Луша... — Он подошёл к ней и робко положил руку на плечо. — Простите меня. Сдуру я так. Я ведь и в гимнастерке могу. Простите.

На следующий день Лукерья Петровна пришла в дом Свиридовых. В руках она держала сверток. Костюм жениху пришёлся впору.

Потом играли свадьбу у Кривобородовых. Костюм жениху был большеват, но на это не обращали никакого внимания.

А потом у Разуновых, а потом у Ногаевых. И даже из соседних сёл и деревень приходили за этим костюмом на свадьбу. Слух прошёл по всей округе, что тот, кто женился в Лёшкином костюме, живёт счастливо, весело, с женой в ладах и детишки хорошие рождаются.

— Не жалко костюма-то? — спросили как-то у Лукерьи бабы. — Память о Лёшке всё-таки.

— Так они все — мои Лёшки. Вон у меня их сколько! — кивая на пробегающую ребятню, ответила Лукерья Петровна.

Говорят, в тех местах до сих пор женятся в Лёшкином костюме и живут долго-долго и счастливо-счастливо.

ПРИХОДИТЕ ПОСЛЕЗАВТРА

— Как, вы не знаете, чем знаменита Ельцовка? — Алла чуть не выронила бутерброд с колбасой.

— Представьте себе, нет! — нисколько не смутился Анатолий Михайлович, её попутчик.

— Смотрели фильм “Приходите завтра”? Про Фросю Бурлакову.

— Разумеется! И что?

— Эта самая Фрося приехала поступать в институт Гнесиных из Ельцовки. Мало того, сама Екатерина Савинова родом из нашего села!

— Это ведь она играла Фросю Бурлакову?

— Так и я об этом. Они обе из Ельцовки. — Алла принялась доедать бутерброд.

Поезд остановился посреди леса и, постояв пару минут, вновь отправился в путь.

— Незавидная судьба у этой актрисы. — Анатолий Михайлович грустно посмотрел на Аллу. — Вот и вам хочется стать актрисой, а что хорошего в этой профессии, что?

Алла отмахнулась. Ей уже было лень объяснять всем и каждому, что если не быть артисткой, то уж лучше вообще никем не быть.

— Нет, вы ответьте, — настаивал Анатолий Михайлович, — что хорошего-то? Смоется глянec сразу же после получения диплома. Ходят, мыкаются, роли выпрашивают. Каждую секунду звонка ждут. А когда-то, наверное, как и вы, об “Оскаре” мечтали, звездами себя мнили.

“Вот разнылся!” — с тоской подумала Алла.

— Хочу быть актрисой — и точка! — Она отвернулась к окну, давая понять, что разговор окончен.

Из Ельцовки семья Трояновских переехала в Тобольск, когда Алле едва исполнился год, но она гордилась тем, что родилась в одном селе с известной актрисой.

Тобольск — старинный красивый город. В Петербурге Пётр Первый в начале восемнадцатого века только собирался восстанавливать театр, а в Тобольске уже вовсю шли первые спектакли. Это и многое другое Алла знала из лекций по истории театра: она занималась в театральной студии. Своим руководителем — Сергеем Витальевичем Бондарём — ребята очень

гордились. Он учился когда-то в Щукинском училище и знал многих известных людей. Да и сам Бондарь — весьма колоритная фигура. Густая до пояса борода, зычный голос и балахон самого последнего размера, потому что Сергей Витальевич имел непотопляемый вес.

А ещё в Тобольске родился самый любимый актёр Аллы — Александр Абдулов, с участием которого она просмотрела все фильмы. Жаль, не удалось увидеть его вживую в театральной постановке.

Когда Трояновская нашла в газете объявление, что набирают в театральную студию, было уже поздно: газета оказалось безбожно устаревшей. “А вдруг?” — подумала Алла и ринулась по означенному адресу.

Студия располагалась во Дворце культуры. Алла поднялась на третий этаж по мраморным лестницам, прошла по узкому длинному коридору, нашла комнату номер тридцать. За дверью было шумно. Ругаются они, что ли? Она подождала немного, потом всё же решилась постучать. На стук никто не отреагировал, вероятно, его просто не услышали. Тогда Алла вошла без приглашения и чуть не захлебнулась в неистовом сигаретном дыму.

— Ну, и дымоган тут у вас! — закашлялась Алла.

— Почему посторонние? — закричал грузный бородатый дядька из кресла.

— Простите, мне бы режиссёра, — заплетающимся от страха языком сказала девушка.

— Какого хрена! Выйдите!

— А вы не подскажите...

— Выйди, выйди, — зашипели на неё люди, переодетые разбойниками, — репетиция идёт.

Алла, пятясь, вышла в коридор. За дверью вновь раздался дикий ор и песни. Она сидела на рыжей банкетке в длинном и тёмном коридоре, внимая этому безобразию. Уже ломило уши от воплей, но вот всё стихло. Из комнаты стали выходить актёры, красные и взъерошенные. Кто-то из них подмигнул Алле.

Алла ещё немного посидела на банкетке и снова решилась постучать в дверь. То ли она так робко выстукивала, то ли там за дверью оглохли после несуразного воя, но приглашения войти не последовало. Тогда Алла толкнула дверь и вновь очутилась в беспросветном табачном дыму. Здоровый дядька всё так же сидел в кресле, а рядом с ним, склонившись над бумагами, стояла до невозможности костлявая женщина, а рядом — мужчина с важным видом иностранного посла.

— Простите, мне бы хотелось увидеть режиссёра, — вымолвила Алла, и тут все трое уставились на неё так, словно она была инопланетным существом и была одета, допустим, в скафандр. Алла даже мельком оглядела себя: что же такого странного в её виде?

— Вон отсюда! Творческий процесс!

— Чего так орать-то? — насупилась Алла.

— Вон! — снова рявкнули из кресла.

Трояновская зло зыркнула глазами и убийственно произнесла:

— Идиот.

Человек в кресле побагровел и поднял кулак, видимо, чтобы со всей силы дать им по столу, но неожиданно опустил его на стол мягко и рассмеялся.

“Точно — идиот”, — подумала Алла, закрывая за собой дверь. Не успела она сделать по коридору несколько шагов, как её окрикнула женщина:

— Постойте! Чего вы хотели?

— Я?.. Вообще-то спросить насчёт собеседования. В театральную студию.

— В студию? Вы опоздали. Набор уже закончен.

— А может, всё-таки...

— К нам сто шестьдесят человек приходило, а мы отобрали только пятнадцать. Очень серьёзный был отбор.

— Лариса, ну, где ты ходишь? — донеслось из комнаты с деревянной дверью. — Идите сюда!

— Пойдём! — вдруг сказала женщина Алле. — Зовёт.

Алла отправилась за ней.

- Что там? Зачем я ей понадобился? — спросил грузный человек.
- Про студию спрашивала, а мы уже отобрали ребят.
- Я объявление поздно увидела, — пояснила Алла.
- Ну, брат, кто не успел, то опоздал, — резонно заметил важный мужчина, выпуская дым через нос.
- Знаешь, Вячеслав, а она мне нравится, — неожиданно сказал бородач, — красивая и наглая.
- “Наглая?! — удивилась Алла. — Ничего себе! Наглая. Да я тряусь вся от страха”.
- Готовы нам что-нибудь прочесть?
- Прямо сейчас? — Такого поворота событий она не ожидала.
- Так готовы или нет?
- Да, да, — заторопилась Алла, лихорадочно соображая, что бы им прочесть. — Басня. Крылов.
- Себя-то хоть назовите для начала, — зевнул бородач.
- Алла. Трояновская.
- Красиво звучит, — похвалил её имя человек в кресле. — Представляете, афиша, а на ней крупно выведено: “Впервые в нашем городе гастроли знаменитой Аллы Трояновской”.
- “Он издевается, что ли“? — не поняла Алла.
- Ну-с, ждём-с, начинайте.
- Алла Трояновская.
- Вы говорили это. Читайте уже басню.
- “Лягушка и вол”.

*Лягушка, на лугу увидевши Вола,
Затеяла сама в дородстве с ним сравняться;
Она завистлива была.
И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
“Смотри-ка, квакушка, что, буду ль я с него?” —
Подруге говорит. “Нет, кумушка, далёко!” —
“Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
Ну, какво?
Пополнилась ли я?” — “Почти что ничего”. —
“Ну, как теперь?” — “Всё то ж”. Пыхтела да пыхтела
И кончила моя затейница на том,
Что, не сравнившись с Волом,
С натуги лопнула — и околела.*

- Алла запинаясь и краснела.
- Басня быстро кончилась, — сказал бородач.
- Я её не сокращала! — Алла показало, что она плохо прочитала басню и ею остались не довольны. Надо спасать ситуацию! — Хотите, расскажу анекдот? — нашлась девушка. — Сидит ворона на дереве, в клюве сыр держит. Тут к ней лиса с бейсбольной битой. Ни слова ни говоря, ка-а-а-к шархнет битой вороне по лбу! Ворона сыр уронила, крылья — враскорячку, глаза — по пять копеек, и говорит: “Ни фига себе басню сократили!”
- Бородач засмеялся. Важный и Лариса тоже похихикали.
- Приходите послезавтра, — просмеявшись, сказал бородач. — Лариса Станиславовна, на сколько назначены занятия? На шесть?
- Станиславовна кивнула. Трояновская хотела ещё что-то уточнить, но они все трое уже склонились над бумагами.
- В старшей группе театральной студии уже неделю шли занятия. Ребята Алле понравились: весёлые и творческие. Не понравилась только одна девочка — Ольга, — некрасивая и задиристая, но потом и она оказалась ничего. Преподавали в студии актёры городского театра. Студийцы изучали хореографию, сценическую речь и многое другое, но самым важным и любимым предметом было, конечно же, актёрское мастерство.
- К концу года полагалось сдать итоговый спектакль. Выбор пал на “Игру в фанты” модного в те годы Николая Коляды. Пьеса была о том, как

в квартире молодожёнов под Новый год собралась компания, решили поиграть в “фанты”. “Я садовником родился, не на шутку рассердился, все цветы мне надоели, кроме...” Называли цветок (герои пьесы заранее выбирали себе названия цветов), ведущий-садовник определял, что нужно сделать тому или иному фанту. И участникам игры доставались не самые безобидные задания...

Репетировали на каждом занятии. Спорили, выдумывали, искали новые ходы. Премьеру назначили на восьмое мая. По сценарию герои должны были вышивать. Анфиса — актриса, ведущая актёрское мастерство, — предупредила, что в зелёные пивные бутылки нальют газировки. Мишка Сердюков, отчаянный придумщик, и на сей раз выкинул номер.

Алла-Ева удобно расположилась на диванчике на сцене. Герой Мишки предложил ей бокальчик пива.

— Не откажусь! — Алла-Ева взяла в руки бокал, наполненный до краёв.

Патлатый Мишка чокнулся с ней своим бокалом. Алла предвкушала пузырики “Буратино”. Она сделала глоток и обмерла:

— Это что, пиво?

— А ты думала, газировка? — ехидно засмеялся Сердюков.

Только бы не опьянеть! Мишке, может, и невдомёк, что несмотря на то, что ей вот-вот должно было исполниться шестнадцать, Алла никогда до этого не пробовала спиртного, не считая того, как они в раннем детстве с братом во время вечеринки родителей тайком пробовали на язык остатки жидкостей в рюмках: горько и невкусно. Маленькая Алла никак не могла понять, почему люди на свадьбах пьют эту невкусную ерунду, а потом кричат “Горько!”

Спектакль прошёл на “ура!” Зал ликовал. Бондарь светился. Актёры сияли. Мишка Сердюков получил подзатыльник.

Ещё год Алла ходила в студию. О её намерении поступать в театральный институт было известно всем. Никто не сомневался в том, что Трояновская поступит и в будущем станет блестящей актрисой.

Здание, в котором находился театральный институт, снаружи казалось настоящей развалухой, да и внутри в глаза бросалась ветхость и неприглядность обстановки. Где лоск? Где яркость? Беднота кругом! Алла была в недоумении. Она разочарованно бродила по институту.

— Здравствуйте, барышня! — поздоровался с ней мужчина преклонного возраста.

— Здравствуйте!

— Вы, наверное, кого-то ищете?

— Нет, я просто так здесь хожу.

— А зачем просто ходить по театральному институту? — мужчина внимательно посмотрел на Аллу.

— Смотрю, где мне предстоит учиться. Если поступлю, — быстро добавила она.

— Так вы абитуриентка! — вмиг повеселел незнакомец.

“Что это его так торкнуло?” — подумала Алла.

— А я, милочка, как раз курс набираю.

— Вы? — Трояновская посмотрела на него недоверчиво.

— Я, — подтвердил мужчина, — руководитель будущего курса.

— Мастер?

— Мастер.

“Ну, надо же! Такой плюгавенький — и мастер”, — не поверила Алла. Этот человек ей не понравился: у него был слишком масляный взгляд. Она почувствовала, что знакомство с ним не принесёт ей ничего хорошего.

— Ой, простите, — вдруг заторопилась девушка, — меня же ждут. Приятно было познакомиться!

Удаляясь по коридору, она всей спиной чувствовала, как этот человек смотрит ей вслед.

Прежде чем допустить до конкурса, нужно пройти три творческих тура. Предстоял первый тур. Как одеться — вопрос вопросов. Говорили, что не стоит одеваться ярко, минимум макияжа, тогда своей неброской внешностью больше притянешь взгляды. Как бы не так! Алла не собиралась превращаться в серую мышь. Накрасилась она, как обычно, и даже чуть ярче, но впол-

не приемлемо для дневного макияжа. Волосы забрала наверх, выпустив пару кудряшек. Надела чёрное длинное, но лёгкое платье, приколола жемчужную брошь, в уши вдела длинные нити жемчуга.

“Женщина-вамп!” Нет, не пойдёт! На прослушивании она будет смотреться комично. Сняла серьги и брошь — слишком по-монашески. Прицепила брошь обратно — театрально. Сняла брошь, надела серьги. Кажется, ничего. Так, пожалуй, пойдёт! На фоне других девушек Алла заметно выделялась: высокая, стройная, яркая. Остальные — словно из одного инкубатора: “Найди хотя бы пять отличий!” Юноши, все без исключения, поглядывали на девушку в чёрном. Кто-то робко, кто-то нагло. Но честно сказать, было не до романов. Волновались все. И Алла тоже.

Вышел старшекурсник и зачитал имена первой десятки. Трояновская оказалась в списке. Они зашли в большую комнату. Сели на стулья вдоль стен. Напротив входа за длинным столом сидели люди. Не звери. И у Аллы вдруг восстановилось сбившееся дыхание.

Прослушивание велось по порядку справа налево. Подряд сидели три девушки, потом пять юношей, Алла и ещё один молодой человек. Вызвали одну, другую. Нервно трясущиеся руки, писклявые голосочки и трагедии, трагедии, трагедии. Алла еле сдерживала смех. Она заметила, что члены комиссии тоже готовы вот-вот расхохотаться.

Алла увидела за столом того самого мастера, которого она встретила в коридоре института. Звали его — поди ж ты! — Лев Андреевич Голицын. “Тоже мне — Лев!” — думала Алла и старалась не встречаться с ним глазами. “Ну, и мастер!” Ей представлялся могучий статный седовласый красавец, похожий на профессора из “Приходите завтра”, а здесь... Обмылок какой-то.

Комиссию рассмешила скромная девушка, читавшая “Влюблённую в дьявола” Гумилёва, особенно когда читала последний катрен:

*Я не знаю, ничего не знаю,
Я ещё так молода,
Но я всё же плачу и рыдаю,
И мечтаю всегда.*

Она считала, что трагический отрывок, эмоционально исполненный, может демонстрации её таланта. Потом вызывали юношей. Аллу пригласили девятой.

— Представьтесь.

— Алла Трояновская. Восемнадцать лет. Приехала из Тобольска.

— Скажите, Алла, у вас кто-то умер?

— Почему?

— Вы в чёрном.

— Я люблю чёрный цвет, — спокойно ответила девушка.

— Вам нравится образ роковой женщины?

— Мне нравится моё платье, — чуть с вызовом произнесла Алла.

— Что вы будете читать?

— Рассказ Чехова “После театра”.

— Пожалуйста.

Алла взяла у стены стул, поставила его посреди зала, села и начала рассказывать. Да, рассказывать, а не читать: “Надя Зеленина, вернувшись с мамой из театра, где давали “Евгения Онегина”, и придя к себе в комнату, быстро сбросила платье, распустила косу и в одной юбке и в белой кофточке поскорее села за стол, чтобы написать такое письмо, как Татьяна.

“Я люблю вас, — написала она, — но вы меня не любите, не любите!”

Написала и засмеялась.

Ей было только шестнадцать лет, и она ещё никого не любила. Она знала, что её любят офицер Горный и студент Груздев, но теперь, после оперы, ей хотелось сомневаться в их любви. Быть нелюбимой и несчастной — как это интересно! В том, когда один любит больше, а другой равнодушен, есть что-то красивое, трогательное и поэтическое. Онегин интересен тем, что сов-

сем не любит, а Татьяна очаровательна, потому что очень любит, и если бы они одинаково любили друг друга и были счастливы, то, пожалуй, показали бы скучными...”

Алла говорила просто. Без страстей, криков, воплей, но так, словно об этом нельзя молчать! В зале застыла тишина, и Трояновская чувствовала себя все увереннее. К её удивлению, члены комиссии не прервали рассказ и выслушали его до конца.

Она встала со стула и поклонилась.

— Я могу ещё что-нибудь прочесть.

— Достаточно. Приподнимите подол платья.

Алла растерялась.

— Простите, что?

— Приподнимите подол до колен. Это не сексуальное домогательство. Продемонстрируйте ноги.

— Я думала, вам нужно продемонстрировать талант, а не ноги.

После прослушивания к Алле подошли ребята и выразили ей своё восхищение:

— Так просто, без надрыва, а получилось гораздо лучше, чем у нас. Ты с кем занималась?

— С зеркалом, — ответила Трояновская.

Она уже собиралась уходить, как к ней подошёл Голицын.

— Мои поздравления вам. Вы очень хорошо подготовились.

— Спасибо, — сухо ответила девушка.

— Прекрасно выстроили интонационный и ритмический рисунок. Я в восхищении! Буду настаивать на том, чтобы вас пропустили на второй тур.

— Да? — обрадовалась Алла.

— Я мог бы поработать с вами и подготовить к следующим испытаниям, — вкрадчиво начал Лев Андреевич, — в индивидуальном порядке.

Алла понимала, к чему клонит “обмылок”: она ему явно нравилась — красивая, молодая, строптивая.

— Тебе ведь хочется поступить в институт? — Голицын посмотрел на Аллу долгим взглядом.

Ещё бы! Конечно, ей хотелось.

— Какие у вас глаза! — Лев Андреевич смотрел пристально. — Цвета гречишного меда... Не из-за вас ли всё началось в Трое? — прищурился он.

— Нет, там Елена была всему виной.

— Подумайте над моим предложением. Хорошенько подумайте.

Алла брела по пустынной аллее. Несмотря на жару, её знобило. Она еле доволочлась до общаги, а потом проспала десять часов кряду. Её соседка по комнате Вероничка ходила взад-вперёд, репетируя монолог Катерины из “Грозы”: “А какие сны мне снились! Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то”.

Алла открыла глаза.

— А тебе, Алка, что снится?

— Крейсер “Аврора”, — буркнула Трояновская и перевернулась на другой бок.

На следующий день после полудня Алла пришла в институт узнать результаты. Ура! Её фамилия значилась в списке: она была допущена ко второму туру. Какая разница, хлопотал Голицын за неё или нет! Она и сама хорошо показала себя — Алла это чувствовала. По крайней мере, в её десятке она была сильнейшей. И как оказалось, из этой десятки на второй тур прошла только Трояновская.

Неожиданно Алла услышала голос Льва Андреевича. Он, разговаривая с кем-то, выходил из кабинета. Алла поспешила уйти, чтобы не встретиться с ним.

В общежитии Вероничка не унималась со своей Катериной.

— Послушай, Алла, ну, послушай.

— Вероничка, у тебя интонационная точка ставится чуть ли не после каждого предложения, — не выдержала Алла, — а она должна ставиться в конце отрывка! Ты же вообще не чувствуешь того, что читаешь!

Вероничка обиженно уставилась на Аллу. Ей нравилось, как она страдает! Она вжилась в Катерину!

— Вероничка, вот скажи, ты любишь в церковь ходить?

— Чего я там забыла?

— А Катерина любила. Она же сама говорила, что “до смерти любила в церковь ходить”! Как там? “...словно в рай войду, и не вижу никого...”.

— Ну, а ты, ты как бы прочитала её монолог?

— А я бы не стала читать. Это не близко мне. И тебе, кажется, тоже.

— Но это же непрофессионально! — закричала Вероничка. — Мы обязаны уметь читать всё!

— Я берусь за то, что понимаю и чувствую, — серьёзно ответила Алла.

Назавтра был новый тур. Алла специально надела короткую юбку, чтобы видели, что ноги у неё не кривые! “На этот раз не буду краситься, может, “обмылку” разонравилось”. Трояновская шла на второй тур творческого конкурса и рассуждала, правильно ли она поняла преподавателя? Может, она выдумала, что он равнодушен к ней как к девушке? Может, он разглядел в ней дарование и хочет помочь огранить бриллиант? Наверное, она не так поняла его.

Но по взгляду Голицына, когда она вошла в зал, девушка поняла, что поняла его правильно.

Аудитория была та же. Комиссия немного разрослась. На сей раз Алла сидела первой, поэтому и показывала себя первой. Она прочитала басню “Стрекоза и муравей”, но не в обычном её понимании, а ломая стереотипы. Стрекозу она показала не как легкомысленную особу, а как талантливую певицу, работающую всё лето. Муравья же — как скрягу и бесчеловечного, не способного помочь куме в трудной жизненной ситуации. Алла видела, что такая трактовка басни заинтересовала комиссию.

— Стрекоза у вас получилась совсем не такой, как у Крылова! Похвально. Их сходство лишь в том, что обе они — поющие. А как у вас с пением?

Алла пела хорошо. У неё был хороший слух и приятный голос. К тому же, она играла на фортепьяно. В зале стоял инструмент, поэтому девушка, спросив разрешения, подошла к инструменту и спела под собственный аккомпанемент.

“Наверное, пройду”, — думала Трояновская, так как своим выступлением в целом она осталась довольна. Были, конечно, и огрехи, не без этого. Но на ступенях у выхода её догнал Голицын и огоршил:

— Не думай, что ты такая талантливая. — Он схватил её за руку выше локтя. — Таких как ты — пруд пруди! Ты подумала над моим предложением?

— Нет, — просто сказала Алла.

— Почему?

— А что тут думать? Нет, и всё.

Голицын гневно сверкнул глазами.

— Ты не забыла, что я руководитель курса?

— Отчего же мне забыть?

— Я тебе дам ещё время на раздумья. На третий тур ты, считай, уже прошла.

— А почему вы мне тыкаете? — зло спросила Алла.

— А дальше не знаю, — не слушая её, продолжал Голицын, — дальше уже от тебя зависит. Надеюсь, мозги у тебя имеются.

Алла презрительно усмехнулась. Неужели если она хорошо себя покажет в третьем туре, её не допустят до конкурса? Как бы не так!

Вероничка второй тур завалила. Она, заливаясь горячими слезами, твердила, что в ней не разглядели великую актрису. Алле одновременно было и жаль её, и нет. На великую актрису Вероничка не тянула. Хотя — кто знает...

На третий тур Трояновская действительно прошла — её фамилия была в списке допущенных к дальнейшим испытаниям.

Перед третьим туром она встретилась с Голицыным. “Обмылок” смотрел на неё ласково и уверенно. Алла поздоровалась с ним сдержанно, но художественный руководитель курса подмигнул ей и даже коснулся плеча. На шее Аллы был повязан прозрачный шарфик из фатина — он хорошо сочетался с глубоким бордовым цветом её блузы. Лев Андреевич, взяв свободно спадающий конец шарфа и посмотрев через него на Аллу, мягко шепнул: — Какая ты красивая...

На третьем туре Трояновская, безусловно, блистала. Она сместила комиссию, читала, пела и даже показала несколько танцевальных движений. Она была уверена, что последний творческий тур ею пройден, и впереди уже маячат экзамены.

После своего выступления Алла беспечно болтала с теми, кому ещё предстояло пройти испытание. К ней подошла незнакомая девушка и передала записку. В записке беглым почерком значилось: “Площадь Ленина, семь вечера”.

Алла, разумеется, поняла, от кого записка. “Ишь ты, какие тезисы! Размечтался!”

На следующее утро в одиннадцать должны были вывесить списки тех, кто прошёл все три тура. Алла пришла в назначенное время в институт. Она несколько раз перечитала вывешенные бумаги, но в них фамилия “Трояновская” не значилась.

Алла подошла к окну и посмотрела в институтский двор — там ребята играли в баскетбол. Мячик лихо залетал то в одну, то в другую корзину.

— Не смогла вчера прийти, да? — услышала она за спиной мягкий полусёпот.

Алла вздрогнула. Голицын стоял рядом и выжидающе смотрел на неё. Алла молчала.

— Не нашла себя в списках? — грубо спросил он.

Она покачала головой.

— Ну, это поправимо. При одном малюсеньком условии, — Голицын прищурился, — ты знаешь — каком... Ну, что тебе это стоит? Всего каких-нибудь десять минут...

Аллу так и обожгло, но её рассмешили эти десять минут — она прыснула.

— Всего лишь десять? Десять минуточек! — Девушку колотило от смеха. — Знаете что, — наконец вымолвила она, — если бы вы хоть симпатичный были, а то...

— А то? — спросил Голицын.

— Клоп клопом.

— Что-о-о?

— А что слышали. Моральный клоп! Лысый, маленький и вонючий.

Театрального института Алле было не видать теперь, как своих ушей. А может, оно и к лучшему?

БЕГУЩАЯ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

Ульяна очень любила живопись. Поэтому приглашение знакомого сходить на выставку картин обрадовало её. Павел Васильевич Росляков, сосед Ульяны, — мастер на все руки. По весне он делал рамки для картин того художника, на выставку которого теперь и пригласил Ульяну.

Из беседы с Павлом Васильевичем по дороге к музею она узнала, что Дмитрий Дмитриевич Вода — так звали художника — самоучка.

— И что это будут за картины? — недовольно хмыкнула Ульяна.

Ей представилась нелепая мазня непрофессионала.

— Подожди хмыкать. Не видела ведь, — укорил её Пётр Васильевич.

“Сказал бы раньше — не пошла бы! — сердилась девушка. — Малевать-то я и сама умею не хуже любого самоучки. Может, вернуться? Павел Васильевич обидится. Ладно! Схожу, раз уже иду. Покуражусь”.

— Ну, и фамиличка — Вода! — продолжала фыркать Ульяна. — Ещё был бы Пиво.

— Не смейся. У него дед — француз. И фамилия Вода — французская. Хоть и звучит по-русски.

Здание, в котором располагался музей художественной культуры, относилось к монастырскому комплексу. Вернее, здесь раньше был монастырь, а теперь... А что теперь — Ульяна даже и не знала. Конторы какие-то. И лишь одно здание выделили под культуру.

Этот музей Ульяна посещала не однажды. Как правило, по залам она часто бродила в одиночестве — ценителей искусства в городе было немного. Но сегодня здесь оказалосьлюдно — выставка только что открылась. На торжественную часть они с Павлом Васильевичем опоздали, и все уже важно разгуливали по довольно большому залу, рассматривая картины.

Павла Васильевича радостно поприветствовала смотрительница, недвусмысленно посмотрев на Ульяну.

— Она вас знает? — шепнула Ульяна.

— Да, — тоже шёпотом ответил Росляков, — я на днях картины помогал вешать.

Недалеко от входа стоял столик с бокалами, наполненными шампанским. Павел Васильевич отошёл от Ульяны и через минуту вернулся, держа в руках два бокала.

— За выставку! — стукнул он по бокалу девушки.

Она уже краем глаза посматривала на картины. И ей приглянулась одна — с васильками.

Публика вокруг ходила самая разнообразная, но объединяло всех то, что они одинаково умно всматривались в картины. “Спец!” — усмехнулась Ульяна.

— Давай подойдём к Дмитрию Дмитриевичу, поздороваемся, — прервал Росляков её наблюдения.

Ульяна не возражала. Только она никак не могла пока понять, кто здесь художник. Может, вон тот, в красном шарфике? Или вот тот — бестолково одетый? Или нет! Бородатый, в свитере. Хотя он больше на геолога смахивает. Каково же было удивление Ульяны, когда она увидела, что Павел Васильевич подошёл к скромно сидящему на стульчике в углу зала старичку. Рядом с ним — высокое окно, подоконник которого утопал в срезанных садовых цветах. Старик поверх них смотрел в небо.

— Приветствую вас, Дмитрий Дмитриевич! — Росляков сделал небольшой поклон.

— Здравствуй, здравствуй, голубчик. — Дмитрий Дмитриевич попытался встать, опираясь на трость.

— Сидите, сидите! — остановил его Росляков.

Павел Васильевич заговорил о чём-то с художником, а Ульяна, постояв немного в стороне, отправилась бродить по выставке. Картин было штук шестьдесят, в основном — христианство и природа. Некоторые даже понравились Ульяне. Ярко так написаны и самобытно. От них веяло радостью и теплом. Без всякой дури, ясные и простые. Немного наивные, но старательные. Наверное, нельзя было бы назвать Дмитрия Дмитриевича художником в полном смысле этого слова — не хватало техники, и это было очевидно.

Ульяне захотелось подробнее узнать о Воде. Точнее, если он француз по происхождению, то “о Вода”, ведь у них фамилии не склоняются. И она подошла к той стене, где висел листок с биографией художника. Родился он задолго до войны. Ещё в первом классе участвовал в акварельной выставке, даже получил премию. Посещал художественную школу. Учебу прервала война. Воевал, был ранен. После войны работал художником-оформителем на предприятиях города.

Читая информацию о художнике, Ульяна услышала разговор двух женщин.

— Говорят, он потомок известного писателя. Этот писатель был знаменит, как Достоевский, но сейчас о нём ничего неизвестно, так как он сжёг все свои рукописи, — сказала одна.

— Да ну, — не поверила другая, — если бы был знаменит, то издавался бы, какие-то книги остались бы...

Чем больше Ульяна смотрела на картины, тем больше они ей нравились — своим неброским очарованием они напоминали полевые цветы.

“А это что за странная картина?” — удивилась Ульяна, остановившись перед необычным полотном. Оно выбивалось из общего ряда своей сюжетностью. Вагон. Верхняя полка. На ней — силуэт мужчины. Проход. В проходе — идущая вперёд девушка, лицом к зрителю, но спиной к лежащему мужчине. Походка её стремительна. Девушка стройна и красива. Яркое синее платье — единственный радостный элемент картины, а всё остальное — в полумраке. Хотя глаза у девушки тоже прорисованы достаточно ярко — они большие, чёрные, немного даже слишком большие. Пожалуй, таких глаз не бывает на самом деле. Зачем художник изобразил их такими? Всё очень реально, а глаза — нереальны. Даже не объяснить, что это были за глаза. Неземные, вот! — подобрала, наконец, Ульяна слово для определения этих глаз. Кого он рисовал? Инопланетянку? Нет, в остальном это была абсолютно земная девушка. На вид ей лет двадцать пять. Куда она так стремится? Почему человек лежит на полке? Хотя это логично — ведь дело происходит в поезде. Почему он смотрит ей вслед? Узнал её? Кто же она? Кто она ему?..

Загадка какая-то — Ульяна даже разозлилась. Какое время изображено на картине? Вероятно, пятидесятые годы, судя по фасону платья.

И вдруг Ульяна оцепенела. Цвет платья на картине точно такой же, как у её блузки! Васильковий! Ульяна внимательно посмотрела на картину. Не может быть! Не может быть! Нет, не может быть!

На картине была нарисована она. Да, несомненно, она. Где, когда видел её этот Вода? Какого года картина? Не важно, какого! Это она, она стремительно идёт по вагону, а вслед ей смотрит какой-то человек. Ульяна читала, что люди порой испытывают мистический ужас, но что это такое, доселе оставалась ей непонятным.

— А, вот ты где! — услышала Ульяна голос за спиной. — А я тебя ищу. Ульяна обернулась.

— А что это ты такая бледная?

Росляков за локоть поддерживал старичка-художника.

— Ульяна, познакомься! Дмитрий Дмитриевич Вода.

Девушка не могла выговорить ни слова, поэтому только кивнула. Вода не сказал ничего. Он смотрел на неё, дрожа и не мигая.

Молчание прервал Павел Васильевич:

— Вам нехорошо, Дмитрий Дмитриевич?

— Всё в порядке, — еле слышно ответил Вода, по-прежнему дрожа.

— Душно, может быть?

— Посмотрите, она будто сошла с картины! — взволнованно ответил художник.

Росляков посмотрел на девушку на картине, затем — на Ульяну: сходство было поразительным.

— Вот так да! — почесал он затылок.

— Я тоже поражена, — наконец заговорила Ульяна. — Дмитрий Дмитриевич, кто это?

Художник молчал.

— Не меня ведь вы рисовали?

Вода покачал головой.

— А кого?

— Не знаю, — всё так же тихо ответил он.

— Как не знаете? Вы рисовали и не знаете кого? Кто она? Кто это — на картине?

Художник тяжело вздохнул и ничего не ответил. В этот момент к ним подошли журналисты — брать интервью у Дмитрия Дмитриевича. Художник отошёл с ними в сторону, ему принесли стул, он сел и стал отвечать на вопросы.

Ульяна смотрела на картину, пытаясь найти ответ: что же это за картина? Её злило, что Вода не стал отвечать ей, а ведь наверняка знал, кого рисовал.

Павел Васильевич куда-то запропастился. Ульяна ещё немножко походила по залу, равнодушно взирая на остальные картины, и, ещё раз взглянув на ту самую, направилась к выходу. Её ненадолго задержали, попросив написать отзыв о выставке. Она отделалась сухим комплиментом и, не дожидаясь Павла Васильевича, пошла домой.

Несколько дней та картина стояла у неё перед глазами, но потом навалились другие заботы, и Ульяна забыла о выставке.

Прошло полгода. Случайно, совсем случайно она наткнулась в интернете на статью о художнике Вода. Каково же было её удивление, когда она увидела фотографию, сопровождавшую репортаж с выставки. На ней была запечатлена беседа художника с Ульяной. Она долго разглядывала снимок. Вода смотрел на неё с не меньшим удивлением, чем она на него.

— Какой он трогательный! — вырвалось у Ульяны.

И действительно, он походил на гладко причёсанного воробушка. Пиджак был ему большеват. Наверное, похудел незадолго до выставки. На груди — медали, а в глазах — тоска. У Ульяны защемило сердце.

Вечером позвонил Росляков.

— Я сейчас зайду, — сообщил он.

Вид у него был расстроенный. В руках он держал конверт.

— Что случилось? — с тревогой произнесла Ульяна.

— Дмитрий Дмитриевич умер. Помнишь художника? Вода.

— Помню, конечно.

— Родственники мне передали вот этот конверт.

Он протянул конверт Ульяне. На нём значилось: “Рослякову П. В. и той девушке, что была с ним на выставке”.

— Тебе, значит.

Ульяна взяла конверт. Повертела его.

— Жаль, что он умер...

— Давай помянем, — предложил Росляков.

— Не могу, мне на работу.

Как только Ульяна закрыла за соседом дверь, она сразу же вскрыла конверт. Письмо начиналось так: “Доброе время суток! Мы с вами встречались на моей выставке. Вас тогда поразило ваше сходство с героиней моей картины. Не скрою, я тоже был поражён, но в тот момент я не мог ответить на ваши вопросы, и вы, наверное, подумали обо мне, как о вредном и противном существе, за что прошу прощения”.

Зазвонил телефон, но Ульяна продолжала читать:

“Однажды я ехал из Москвы к родителям в Красноярск. Бездельничал, лежал на верхней полке и смотрел на ускользающие деревья, как вдруг услышал голос:

— Скажите, какой это вагон?

Я оторвался от окна и повернул голову. В проходе стояла девушка в ватильковом платье. Она была такой красоты, что у меня захватило дух. Мы встретились глазами. Я понял, что влюбился. Да, да, я понял это в одну секунду. Я будто бы знал её всю жизнь, хотя никогда прежде не видел. Я понял, что это моя судьба. Это может показаться сумосбродством, но уверяю: всё было именно так.

— Седьмой, — ответил кто-то из пассажиров.

— Спасибо, — сказала она, вновь посмотрела на меня и пошла по проходу дальше. Я словно окаменел и онемел одновременно. Девушка, пройдя несколько метров, обернулась. Посмотрела на меня недолгим взглядом и исчезла.

Я заметался. Что делать? Бежать за ней? А вдруг это будет глупо? Может, там её ждет муж? А вдруг я её испугаю? Я и вправду не знал, что делать. Пустился в долгие рассуждения. Потом себе объяснял это тем, что, возможно, меня сдерживало сознание того, что я был женат...

Не знаю, не знаю, почему я не ринулся ей вслед. Всю жизнь я прокручивал в памяти эту встречу и ругал себя за свою робость и боязнь. Лежать

на своей полке я больше не мог, встал и пошёл искать её. Прошёл все вагоны, но её не нашёл. Заглядывать в каждое купе я постеснялся — только в те, где двери были открыты, пусть даже чуточку. Я прошёл все вагоны не сколько раз, на меня даже косо стали смотреть проводники.

Утром поезд прибывал в Красноярск. Она, когда спрашивала какой вагон, шла в конец поезда. По перрону я во весь опор помчался к головному вагону, рассматривая всех приехавших. Её среди них не было. Не было! Я ждал, что вот-вот она появится. Не увидеть её я не мог! Я запомнил её навсегда. К тому же, она была в таком ярком платье! Но — увы и ах! — толпа рассеялась, лишь тянулись последние нагруженные пассажиры, а этой девушки не было. Я не понимал, куда она могла исчезнуть.

Всю жизнь я думал о ней, поначалу не проходило и дня, чтобы я не вспоминал её. Когда жена спрашивала, почему я так задумчив, — бессовестно врал, что перед глазами стоит война. Каждый день молил Бога, чтобы он дал мне шанс ещё раз увидеть её. Но всё было напрасно. Жизнь моя разделилась на две половины: до неё и после. Васильковое платье стало границей.

Я ждал эту девушку, звал, искал в каждой женщине. А когда расплывчато видел её в своём воображении, то боялся, что позабуду её черты. И тогда я стал учиться рисовать. Десять лет самостоятельно постигал азы живописи только лишь для того, чтобы нарисовать её портрет. Задатки у меня были, да и художественная школа за плечами, но это всё были цветочки: теперь я учился настоящей живописи. Сколько раз я пробовал написать её! Не удавалось. Рисовал природу, но лелеял мечту написать эту девушку, которую когда-то потерял в поезде.

И всё же мне удалось воплотить свою мечту.

Я часто выставлял это полотно. Я жаждал, чтобы однажды она пришла и увидела бы мою картину. Узнала бы себя. Вспомнила бы тот поезд и меня. И захотела бы узнать, кто художник?..

Вы видели картину. Моя девушка действительно похожа на вас. Как две капли воды. Она не пришла на мою последнюю выставку. Зато пришли вы. И как тогда, в поезде, вы тоже исчезли бесследно.

Я завещаю эту картину вам.

И помните! Никогда не проходите мимо своей судьбы.

Прощайте.

Художник Вода”.

ЩУКА

В последнее время дед почему-то пожелтел. Фельдшер сказал, что у дедушки проблемы с печенью, то есть ничего умного не сказал. Лукич поехал в город на обследование. Врачи сказали то же самое, что и местный фельдшер.

— Неважно обстоят ваши дела, Афанасий Лукич. — Молоденькая врачиха с сочувствием посмотрела на престарелого пациента.

— Совсем? — храбрясь, спросил Емельянов.

Врачиха отвела глаза. В своём медицинском халате она смотрелась, как белое солнце на фоне жёлтой пустыни. Пустыней, разумеется, был Афанасий Лукич.

— Значится, помру я скоро, потому и гоните меня?

— Почему же гоним? Вам будет назначено поддерживающее лечение. Уколы, таблетки — можно и дома принимать.

— Дочка, а жить-то мне сколько осталось?

— Я не Бог, — ответила врачиха, — не могу знать. Но вы не слишком драматизируйте ситуацию, — вдруг спохватилась она.

— А почто у меня печень никогда не болела?

— В ней нет нервных окончаний. Поэтому симптомы заболевания появляются, к сожалению, когда уже слишком поздно. У вас печень в стадии разложения. Цирроз.

— Как все поменялось, — сказал дед, — раньше — убей врача, не скажет, чем ты болен. Теперь, наоборот, сами врачи пытаются убить пациента диагнозом.

Видно было, что молоденькой врачихе не по душе пришлось слова Емельянова, но она, поджав губы, промолчала.

Автобус, словно на коньках, по крепко схваченной льдом дороге быстро домчал пассажиров из Лабитнанги до посёлка Октябрьский, где жил Емельянов.

— Сказала мне одна молоденькая козочка, что помру скоро, — докладывался по приезду дед своей бабке, — цирроз.

— Какой цирроз, — всплеснула руками Петровна, — ты же не пьяница!

— Вот уж не знаю, откуда навязался этот цирроз.

— Горе-то какое! — Петровна не могла сдерживать слёз. — Говорила тебе, не ешь рыбу сырую, а ты словно глухой! Вот и заразился. Всё по-своему делаешь!

Афанасий Лукич уже не слушал её. Он взобрался на печь и лежал, думая о том, что вдруг и впрямь скоро помереть доведётся.

“Пожил, и хватит, — рассуждал он, — чем заживо гнить, так уж лучше в земле. Но это после, а пока ещё чуточку надо не помирать”.

Он исправно пил лекарства, выписанные ему в Лабитнанги. Приходил в обляпанном халате толстый фельдшер Ерохин и ставил уколы в его сухонькие ягодички.

— Ты меня наскрозь проткнёшь, Ерошка, — крепился от боли дед.

— А нечего болеть! — отвечал фельдшер.

Деду день ото дня становилось всё хуже и хуже. Он слабел и терял аппетит.

“Неужто всё-таки помру скоро? — думал он. — Ещё бы полгода протянуть. А там и помирать можно”.

А полгода Афанасий Лукич выпрашивал вот почему. Он никогда не видел внука. Его поздний сын женился студентом и почти сразу же разошёлся. Даже неделю не прожили молодые. Почему? Да пёс их разберёт. Сколько Емельяновы ни пытались сына, он отказывался говорить на эту тему. А совсем недавно выяснилось, что у них есть внук.

— Как ты молчал-то про это? — накинулись они на сына.

— Так я сам недавно узнал, — оправдывался тот.

Артём — так звали емельяновского внука — учился за границей. Лукич разговаривал с ним дважды по телефону. Голос у внука был очень доброжелательный. Артём тоже совсем недавно узнал о том, что у него есть отец, дед и бабушка, и это стало для него не меньшим потрясением, чем для дедки с бабушкой. Обещал приехать навестить родню, но только когда будет в России на каникулах, а это через полгода.

— Дожить бы, — вздыхал Афанасий Лукич.

А теперь внезапная страшная болезнь сбивала все планы.

— Может, какими народными средствами полечиться, — спрашивал он у фельдшера, — отвар мухомора, горюхат, помогает.

— Не дури, дед! — запрещал Ерохин. — Хуже будет.

Лукич уже еле вставал. Слабость и усталость, навалившиеся на него, пригвождали к кровати. Он и на печку-то забраться уже не мог. В один из дней карабкался, карабкался, да так навернулся, что больше и не полез.

Петровна ходила с мокрыми глазами.

— Чего ты меня хоронишь? — ругал он её. — Я ведь ещё тёплый.

Однако ему самому с трудом верилось, что он доживёт до лета. А дожить хотелось. Ой, как хотелось!

Лукич похудел, осунулся и цветом стал походить на насыщенно жёлтый опавший лист. И если раньше к нему было применимо слово “дед”, то сейчас больше подходило “старик”.

“Какой он — мой внук? Похож на кого? А вдруг — на меня? Или на моего отца Луку Григорьевича? Я умру, но я буду жить в нём, в моём внуке, в его детях и внуках. А то ведь, было, думал, что на сыне так и закончусь. Ан нет! Продолжение есть. И так хочется увидеть это продолжение, хотя бы один разок, перед смертью...”

Думы Лукича прервал пришедший навестить его Митька Захватошин.

— Афанасий Лукич, здорово! Говорят, ты хвораешь шибко.

— Митька, так мне восемьдесят годочков справляли ещё три года назад, — усмехнулся Емельянов, — а ты меня внимательно разглядываешь и думаешь, до чего же я жёлтый, так, небось?

Захватошин мял в руке шапку.

— Так, вижу, что так. Сказывай, зачем пришёл.

Митька почесал затылок, помялся, а потом выпалил:

— Продай мне медали.

— Чего-о-о? — Емельянов аж привстал с постели.

— Медали, говорю, продай. Не ровен час — помрёшь. Все судачат, что жить тебе два понедельника. Вон жёлтый какой стал, как азиат.

— Ты зелёный больно! — с гневом выдохнул старик. — Сорок лет, а ничего не разумеешь!

— Ты сам подумай, зачем тебе медали? Петровне твоей они без надобности. Сыну? Так он оглоед у тебя, всё по тюрьмам да по ссылкам. Обжился уж там. А я хорошо заплачу.

— Вот ты с виду воробей, а душа у тебя стервятника! Проваливай отседова. Видеть тебя не желаю!

— Продай, говорят. Очутятся ведь на помойке твои медали. Забесплатно! А я тебе денег дам. Перед смертью чем-нибудь побалуешься. Может, этих, — Митька показал большую грудь и подмигнул старику, — позовёшь.

— Пшёл вон, щенок! — закричал Емельянов, да так сильно ударил ладонью по прикроватной тумбочке, что взвизгнула кружка, подпрыгнув и ударившись о ночник. — У меня внук есть!

— Да слышал я, слышал. — Захватошин презрительно кольнул глазами больного. — Только, говорят, он американец. И советские награды ему до лампочки. Да и не увидишь ты его никогда.

— Убирайся, — устало промолвил Емельянов, не глядя на Захватошина.

В ту ночь Емельянов видел страшные сны. То он копал картошку в сырой земле, то ему подбирали новый дом. Он проснулся с неприятными ощущениями. За окном уже вовсю светило солнце — никогда так поздно он не просыпался. Нежиться в постели Емельянов не привык, но болезнь предоставила ему эту возможность.

И вдруг дико захотелось есть. Он ощутил то здоровое и естественное чувство голода, которое побуждало первобытных людей идти на охоту. Лукич проворно встал с кровати, удивляясь своей прыти. Поднял руки вверх и усиленно потянулся. Вошла жена и посмотрела на него так, словно он сделал сальто-мортале или какой-то ещё диковинный трюк, а не просто вытянул руки.

— Ты почто распрыгался? — спросила она, вытирая руки о передник, собираясь помочь мужу лечь обратно.

— Есть хочу! — заявил он, отстраняясь от её рук.

— Батюшки святы! — заохала Петровна. — А я и думаю, чегось так пирогов с утра поманило стряпать.

— Пирог опосля. Хочу рыбы. Изнемогаю, как хочу.

— Какую рыбу? Рыбу какую-то выдумал. Все болезни у тебя от рыбы!

— Ты не любишь её есть, так и не ешь. А я в Сибири всю жизнь живу, рыбой питаюсь, а не лягушками!

Петровна и впрямь не любила рыбу. Их с Афанасием Лукичом первенец подавился косточкой от рыбы, не спасли ребенка, он и помер четырёх лет от роду. А потом она слышала, что разную заразу можно подцепить от рыбы, особенно если есть её сырой. Пистрахоз там какой-то, что ли... Этот вот всю жизнь ел, заразы нахватался и пожелтел.

— Зачем тебе рыба? Хочешь, котлетки пареные сделаю. Пирог на походе.

— Рыбы хочу. И не перечь мне!

Ну, рыбы так рыбы. Петровна с недавних пор боялась отказать в чем-либо мужу. Откажешь, а вдруг это его последняя просьба?

Она пошла по соседям. Они перекупали у хантов рыбу и возили её перепродавать в Лабьитнанги. Когда Петровна пришла к Захватошиным, как

раз прибыл новый улов. Митька при встрече с соседкой сжался, но, поняв, что Лукич ничего не рассказал ей о недавнем разговоре про медали, вновь выпрямился.

— Рыбы деду захотелось, — сказала Петровна.

— Вот так да! Поправляется дед-то? Бери любую, вся свежая. Максим-ка всегда хорошую рыбу доставляет.

Юркий хант по имени Максим радостно закивал головой.

— Да какое там поправляется, — махнула рукой Петровна. — Правда, сегодня малость лучше... Не спросила, какой ему хочется рыбы-то.

Хант внимательно посмотрел на Петровну.

— Чем болеет?

— Желтый весь. Из больницы выписали, видать, помирать. Уколы делают, лекарства пьёт, а всё желтее становится.

— Печень у него. — Хант был краток.

— Так знамо дело, что у него.

— Помрёт.

— Так все мы помрём, — горестно произнесла Петровна, — а пожить ещё бы ему хотя бы полгодика. Внук обещался в гости приехать. А его-то мы ни разу не видали, вот и хочет дед хоть немного ещё пожить.

Максим подошёл к возу с рыбой. Взял одну, другую, положил их на место, достал третью. Это была щука. Живая. Хант оглядел её внимательно со всех сторон и отдал Петровне.

— Возьми. Положи в воду. Дождись меня.

Петровна пожала плечами, но рыбу взяла.

— Готовить будешь?

— Делай, как сказал.

Через полчаса в избу Емельяновых без стука вошёл хант. Он, не сняв свои кисы — тёплые сапоги из оленьей шкуры, — прошёл к постели больного. Петровна семеняла следом.

— Где щука?

— В тазу.

— Неси!

Афанасий Лукич удивлённо смотрел на ханта.

— Вставай! Лечить буду.

Емельянов ничего не ответил, но принялся приподыматься в кровати. Тем временем хант снял шубу, украшенную мозаикой из меха двух цветов и полосками цветного сукна. Поставил посреди комнаты стул и велел Лукичу сесть на него. Емельянов не возражал. Выдвинул на середину комнаты круглый деревянный стол с изогнутыми ножками и поставил на него таз, в котором лежала рыба. Всё ещё живая. Нет, она не могла, плескаясь в воде, биться о стенки тазика, а находилась в каком-то полубоморочном состоянии.

— И как лечить будешь, лекарь?

— Знаю, как. Дед шаманом был. Ты смотри на щуку. Не мигай. Смотри прямо в глаза ей. Не бойся. Только смотри.

— Долго?

— Сколько скажу.

Емельянов и до этого смотрел на щуку, а по заданию его взгляд стал ещё более внимательным. Но разве поможет?

Хант стал что-то бормотать на своём языке. Какие-то заклинания. На губах Лукича мелькнула чуть заметная усмешка. Давай, мол, давай, придуряйся, а сам, между тем, как было велено, не отрываясь смотрел на рыбу. Взгляд его с каждой минутой делался напряженнее. Вдруг... рыба стала повздрагивать. Померещилось? Емельянов смотрел, не мигая, в глаза щуке. Бормотание ханта становилось яростнее. И чем громче говорил хант, тем живее становилась рыба. Она ерзала по дну таза, открывала рот, показывая свои крепкие зубы, и тоже, не мигая, смотрела на Емельянова. Тот хотел было отвернуться — так уж неприятен был этот щучий взгляд, но вдруг услышал голос ханта:

— Смотри!

Афанасий Лукич сдержался и не отвёл глаза, но в следующий миг ему стало ещё страшнее. Щука бесновалась. Её плотное тело ударилось о стенки таза с бешеной силой. Щука поедала его глазами, словно кто-то заставлял её смотреть на Емельянова. И взгляд этот был полон ненависти. Она стала похожа на торпеду, готовую броситься на врага. Емельянов покрылся испариной, его фланелевая рубашка прилипла к телу. Его так жгло изнутри, словно в нём раскочегарили печь. Щука становилась всё неистовей. Её мелкие чешуйки оттопырились, а плавники раскрылись и стали похожи на петушинный гребень. Она щёлкала челюстью и бурила Емельянова глазами. “Ненавижу тебя, жёлтый старик, ненавижу!” — эти слова с яростью, казалось, выплескивали её глаза.

Дикая боль пронзила Лукича с ног до головы. Он даже губу прокусил до крови. Казалось, вот-вот потеряет сознание.

— Не отрывайся! — закричал хант.

Емельянов из последних сил заставил себя смотреть на страшную рыбу, а она не унималась и ненавидела его всё сильнее и сильнее. Всё было словно в тумане, кроме бешеных глаз дикой рыбы. Емельянов даже не слышал камлания ханта.

Неожиданно на его глазах щука стала сильно темнеть. Из светло-зелёной она становилась жёлто-копченой. Вдруг она щёлкнула зубами и, в последний раз взглянув на старика, резко повернулась на бок и затихла.

— Кончено, — сказал хант.

Емельянов закрыл глаза. Ломило. Когда он открыл их и посмотрел на щуку, рыба была жёлто-коричневая. И в тот же миг Афанасий Лукич испытал неподдельный ужас:

— Она живая!

— Живая, — подтвердил хант. — Болезнь твою взяла. Обратно в речку снесу.

— Так как же...

— Не бойся. Никто её не поймает. Сколько она проживёт, столько и ты жить будешь.

Афанасий Лукич встал со стула и, пошатываясь, подошёл к кровати. Он рухнул на своё ложе и проспал до следующего утра крепким молодецким сном, похрапывая на всю избу. Когда дед проснулся, Петровна орудовала на кухне. Что это было? Сон? Он легко встал с постели, прошёл в кухню. Над рукомойником висело зеркало. Глянув в него, Емельянов отшатнулся. Он был обычного цвета, человеческого. Петровна только руками развела.

Прошло несколько месяцев. Наступило лето. Как-то Афанасий Лукич копошился в огороде.

— Дед, здравствуй! — вдруг услышал он за спиной.

Лукич медленно-медленно, боясь, что это ему послышалось, обернулся. Перед ним стоял его внук. Сомнений не было: одно лицо с той фотографией, где молодой Емельянов изображён перед уходом на фронт.

Артём оказался хорошим парнем. Помогал по хозяйству, даже научился стряпать пироги. Внимательно слушал рассказы, расспрашивал. Он привёз много заграничных подарков бабушке и деду. Петровна связала к его приезду свитер. Дед купил удочку. Внук благодарил их от всей души. Перед тем как ему уезжать, дед достал свои награды.

— Держи, внук, береги их. На них кровь наших солдат. На них наша победа. Живите мирно, не воюйте. И приезжай-ка ты из своей Америки после учёбы обратно в Россию.

Дед и внук крепко обнялись на прощание.

— Я ещё приеду, — пообещал Артём Емельянов.

Проводив внука, дед выпил здоровую чарку вина, ещё раз посмотрел на фотографии с внуком и лёг спать. Больше он не проснулся.

РЕЦЕПТ ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Кто не пробовал орешки со сгущёнкой? Вкуснотища! Но, увы, не для всех. Кого-то, например, от них тошнит...

Солнечным морозным деньком две подружки Жанна и Майя гуляли вдоль Ангары по бульвару Гагарина. Майя весело щебетала:

— До чего я наш Иркутск иногда ненавижу, а сегодня просто обожаю. Глянь, какая красота кругом.

Жанна тоже любовалась заснеженными, сверкающими на солнце деревьями, но без особой радости.

— Может, заглянем в кафе? — предложила Майя. — Первый день зимы. Отметим.

Жанна помрачнела:

— Майка, у меня с деньгами засада. Кредит платить нечем. Работы никакой. Бьюсь, куда угодно готова пойти...

По бульвару прогуливалось много женщин с колясками, и в этот миг Майя поздоровалась с одной из них:

— Здравствуйте, Светлана Анатольевна! О, какие мы уже большие! — Она наклонилась к коляске из которой выглядывал голубоглазый мальш.

— Растём, Маечка, растём... — сказала Майина знакомая.

Они перемолвились ещё парой фраз, и Светлана Анатольевна покатила коляску дальше.

— В соседнем отделе у нас работала. Детей с мужем долго не было. По каким только врачам... И в Москву ездили, и Бог весть ещё куда. А в прошлом году, прикинь, вдруг раз — и забеременела. Говорят, какой-то святой помолилась... Я, правда, в это не верю...

Жанну рассказ подруги явно не волновал.

— Так вот... — хотела было продолжить она про своё, но Майю распирало желание дорассказать:

— Погоди, погоди! На Новый год она была на третьем месяце. Все шампанское пьют, и ей вдруг так захотелось, аж до скрежета зубов. А тётка при этом совсем не пьющая. Сидит и говорит себе: “Нельзя, нельзя! Эгоистка!” Прикинь? Боялась ребёнку навредить. Ещё бы, они его столько ждали! А сама сидит и мучается, так бы схватила бокал и — залпом! И потом после Нового года долгое время ей хотелось бокал шампанского, но она так и не позволила его себе. И вот... Слушай, слушай сюда! Рождается ребёнок, вот этот самый голубоглазик, которого мы сейчас видели. Скажи, хорошенький?

— Хорошенький, — кивнула Жанна.

— Так вот, рождается он, а у него на руках кистей нет.

— Да ты что! — тут только Жанну задел этот рассказ. Она даже повернулась и посмотрела вслед женщине с коляской.

— А самое-то главное: врач её потом спрашивает, профессор: “А не хотелось ли вам, голубушка, чего-нибудь эдакого во время беременности?” Она ему: “Хотелось. Бокал шампанского на Новый год”. Он тут как заорёт на неё: “Так и вышла бы!” Мол, если бы вышла, всё было бы нормально.

В кафе они всё-таки заглянули — Майя взяла расходы на себя. Заодно предложила подруге работёнку.

— Не Бог весть какая, — сказала она, — но на первых порах сгодится. Выпекание кондитерских изделий на дому. Оплата сдельная. Оборудование предоставляют. Пиши телефон.

Жанна позвонила сразу же, как пришла домой. Не такой уж она была великой стряпухой, просто деваться некуда. Долги, да и есть нужно. Хотя бы раз в сутки.

Приятный мужской голос принадлежал Владу — хозяину кондитерских ларьков. Он любезно ответил на все вопросы девушки. Нужно стряпать орешки. Продукты он будет поставлять. Работа сдельная — десять рублей с килограмма.

— Ещё мне сказали про оборудование.

— Да, да, орешницу я предоставлю.

На следующий день Жанна пошла знакомиться, а заодно и взять оборудование — так важно называлась миниатюрная закрытая сковородочка для выпекания орешков. Сам Влад не очень-то был похож на торгаша, скорее — на доцента института. Доброжелательная улыбка, но при этом слегка надменный взгляд. Вежливое обращение Влада ещё больше укрепило Жанну в намерении стряпать орешки. “В конце концов, это ведь временно, — утешала она себя, — попутно буду искать хорошую работу”.

— Вот рецепт. — Влад протянул Жанне листок.

— У меня свой есть.

— Мне ваш не надо, мне нужно мой. Это проверенный рецепт. Не один уже килограмм продан.

— А как с продуктами?

— Я выдам для начала на пару килограммов, чтобы оценить ваши орешки.

— Ещё наверное, вам нужно прийти ко мне домой. Ну, посмотреть, что у меня чисто, что я в хороших условиях буду стряпать.

— Необязательно, — отмахнулся Влад, — не мне же их есть.

Жанна посмотрела на киоск, за стеклом которого полки ломились от кондитерских изделий. Вот грибочки, шишечки, а вдруг их тоже кто-то поставляет Владу? В каких условиях они стряпаются? Это вот у неё, Жанны, чисто, а как у других? Она представила себе чью-то неряшливую кухню — плита в жире, грязная посуда засохшая, кругом бегают тараканы. Жанну аж передёрнуло.

— Вот продукты. Завтра в шесть вечера жду вас возле моего ларька.

Жанна взяла пакет и посмотрела, что ей положили.

— А сгущёнку лучше покупать из цельного молока. Она вкуснее!

— Она дороже, — сухо возразил Влад, — у этой оптовая цена значительно ниже, чем у той, что из цельного.

— Скажите, — осмелилась Жанна задать вопрос Владу, — вы ведь все берёте на базах, печенье, конфеты, — она кивнула на полки, — а что, орешков разве там нет?

— Есть. Только их закупочная цена высока. Невыгодно. В разы дешевле купить продукты на тех же базах и стряпать самим.

Придя домой, Жанна сразу же взялась за приготовление. Для начала нужно сварить сгущёнку. Пока та варилась, восходящая звезда кулинарии по рецепту Влада приготовила тесто и выпекла из него целую гору орешковых половинок, весело приговаривая:

— А орешки не простые, все скорлупки золотые.

Оставалось ждать, пока остынут банки со сгущёнкой, а потом, уложив коричневую массу в половинки, их склеить.

Жанна сняла пробу с первого орешка. Безвкусно. Она съела ещё один. Орешки получились сухие, как недельное печенье. Жанна расстроилась. Кто такие покупать будет? В её семье тоже иногда стряпали орешки, в основном, по праздникам. И Жанна тоже стряпала. Но те орешки были куда вкуснее, чем только что испечённые.

— Сделаю-ка я по нашему рецепту, — решила девушка.

Пришлось идти в магазин за продуктами, однако когда орешки были выпечены, стряпуха осталась довольна:

— Вот это по-нашему!

Орешки таяли во рту, и руки сами тянулись за новым печеньем.

На следующий день девушке было сказано однозначное — берём на работу, и выдано продуктов уже на десять килограммов. Она с нагруженными сумками еле-еле дотащила до дома.

Ну, за работу! Рецепт Влада она выкинула ещё вчера. Свой же знала наизусть. Поставив вариться банки со сгущёнкой, Жанна в большой кастрюле замесила тесто для пяти килограммов. Для начала она растёрла маргарин (эх, лучше бы масло!) с яичными желтками, добавила сметану и сахар. Взбила в пену белки и вылила их в кастрюлю. Туда же проследовала сода, гашёная в уксусе. Постепенно насыпала муку. Теперь эту всю массу предстояло промять, чтобы из нее получилось тесто. С непривычки руки почти

сразу же устали. Но Жанна мяла до тех пор, пока в кастрюле не образовался увесистый ком. И как только тесто перестало липнуть к рукам, девушка на некоторое время поместила его в холодильник. А когда вытащила, то смазала маслом и прогрела орешницу и, лепя из теста маленькие комочки, стала укладывать их на сковороду. Немного подержав на огне с одной стороны, потом с другой, Жанна вынула из нее готовые половинки орешков. Сливочные комочки превратились в золотые полуорешки. За один раз орешница выдавала их по девять штук. То есть на четыре с половиной ореха.

Жанна снова наполнила сковороду комочками и так много-много раз. Через какое-то время получилась гора испеченных половинок. Следующим шагом было заполнение пустых половинок сгущённой и склеивание их в единый орех. Края у орешков были неровные, и чтобы красивее смотрелось, Жанна обрезала неровности по кругу ножницами. Запах кулинарного блаженства не мог оставить девушку равнодушной. Она попробовала своё творение. Получилось восхитительно!

— Сам бы ел, да деньги надо, — вспомнилась Жанне присказка одного торговца на рынке.

Предстояло сделать ещё пять килограммов. На все десять у неё ушло почти девять часов. На килограмм орешков требуется около часа, — подчитала она. Очень болела спина. Клонило ко сну. Часы на стене показывали пять утра. Жанна нашла в себе силы убраться на кухне и только потом рухнула в постель.

К шести вечера она принесла орешки Владу. Он в это время что-то выговаривал своей продавщице. Его лоб деловито блестел при тусклом освещении. С Жанной он даже не поздоровался.

— Принесла?

— Да.

— Клади на весы.

Жанна поочередно положили три пакета. В общей сумме получилось десять килограммов сто двадцать граммов. Влад достал один орешек, попробовал. Только после этого отсчитал Жанне сто рублей и, покопавшись в кармане, добавил ещё рубль двадцать.

— Не надо! — Жанна не хотела брать мелочь.

— Как не надо? — удивился Влад. — У меня как в банке.

На этот раз Жанна пришла с саночками, чтобы не тащить продукты на себе. По пути домой она прикупила настоящих орехов, и когда стряпала кондитерские, то в наполненные сгущённой половинки для изюминки добавляла по арахису. Сократить время стряпания ей не удалось. И вновь она легла под утро. Оставлять на день стряпню ей не хотелось. Боялась, что вдруг не успеет.

Целую неделю Жанна исправно приходила к шести часам и сдавала свои десять килограммов.

— Как так? — удивлялся Влад. — У меня несколько человек стряпает эти орешки. У всех выходит около десяти килограммов, а у тебя за десять переваливает каждый раз.

“Так продукты по полной нужно класть”, — усмехнулась девушка, но вслух ничего не сказала.

Орешки Влад выставлял по восемьдесят рублей. Выгода очевидная.

— А твои орешки, — поделилась с Жанной продавщица в ларьке Влада, — вот уже четвёртый день он не даёт мне на продажу. В соседние ларьки перепродаёт, жучара.

— И за сколько?

— А мне почем знать? За деньги. Но выгоду свою не упустит.

На следующий день Влад вдруг стал особо расхваливать орешки Жанны. — Твои влёт уходят. Даже мой сын постоянно просит, чтобы я ему приносил.

Разумеется, Жанне стало приятно.

— Жаль, что ты мало их стряпашь. Всего по десять килограммов.

— Так у меня и так по девять часов на них уходит. Хотя вчера уже чуть меньше.

— А чего бы тебе пятнадцать не стряпать? Ведь нигде не работаешь. Деньги-то не помешают.

“Вообще-то ты копейки платишь за то, что я спину не разгибаю часами. Что такое десять рублей?” — вспыхнула Жанна, но вслух ничего не сказала — работы другой у неё и впрямь пока не было.

— Давай-ка, бери сегодня продуктов на пятнадцать.

— Ладно.

Жанна не разгибала спину почти тринадцать часов. Уснула она, когда было уже позднее утро. И так повторялось изо дня в день. В шесть часов вечера она сдавала орешки, выслушивала похвалы в адрес своих маленьких шедевров, а потом снова по тринадцать часов вкалывала, не разгибая спины.

Однажды Жанна услышала, как одна из покупательниц спросила продавщицу:

— Вы случайно не знаете рецепт приготовления этих орешков?

— Не знаю, — буркнула продавщица.

— Жаль. Ведь это не просто рецепт, а рецепт хорошего настроения.

В тот день и у Жанны было очень хорошее настроение.

Через какое-то время Влад упросил её стряпать по двадцать килограммов, и Жанна согласилась. Она стала работать быстрее, и если на пятнадцать килограммов когда-то уходило почти тринадцать часов, то сейчас на двадцать — около пятнадцати. Плюс ещё нужно было доставить орешки к месту назначения, а это тоже драгоценные минуты.

Жанна похудела, осунулась, но продолжала стряпать. Она зарабатывала теперь двести рублей в день. Но каким трудом! Её высшее образование было никому не нужно. Но она особо и не плакала, ведь людям нравились её орешки, и это грело ей душу.

Так прошла зима. Выходных у неё не было, только первого и второго января, да и то потому, что киоск Влада в эти дни не работал. Наступила весна, но и она не принесла никаких изменений. А в апреле у Жанны с Владом произошла крупная ссора. На двадцать килограммов требовалось значительное количество продуктов, и если зимой девушка возила их на санках, то теперь асфальт оголился, и возить по нему санки было глупо.

— Что будем делать? — спросила она Влада.

Влад пожал плечами:

— Ты здесь недалеко живёшь. Дважды сходи. Сначала на десять килограммов отнеси, потом ещё на десять.

— Вообще-то это нелегко.

— Не мои проблемы.

— Когда же я стряпать буду, если по сто раз буду ходить взад-вперёд?

Я и так, не разгибаясь, по пятнадцать часов батрачу.

Слово “батрачу” сильно рассердило работодателя.

— Батрачит она! Не за бесплатно же.

— Но и не за великие деньги! Вы мои орешки перепродаёте за сто двадцать, их ставят по сто тридцать, и всё равно они продаются. А это цена самых дорогих конфет. И это при том, что во всём городе орешки по семьдесят пять-восемьдесят рублей. А мои орешки покупают...

Влад не дал ей договорить:

— Не твои орешки, а мои. Ты только производитель, работница моя.

— Ах так! — психанула Жанна и, ничего не сказав больше, зашагала домой.

По дороге она приняла решение — больше не работать на Влада. И ей вдруг сделалось так легко, что она принялась кружиться. Прохожие недоумённо глядели на неё. А Жанна ликовала: долой орешки! Долой пятнадцатичасовой рабочий день! Долой рабство! “Мы не рабы, рабы не мы!”

Она даже воскликнула:

— Долой буржуев!

А проходящий мимо парень вскинул в ответ кулак:

— Долой!

По дороге Жанна зашла в магазин и встретила там соседку Любу.

— Жанка, ты чего-то похудела.

— Слушай, послезавтра День космонавтики, давай отметим его сегодня, — предложила Жанна.

Любку спрашивать не пришлось. Они накупили еды, взяли две бутылки шампанского и отправились к Жанне домой.

Шампанское с первого же бокала ударило Жанне в голову. Она сидела на диване с закинутыми на стол ногами и ощущала такое чувство свободы, какого никогда не испытывала прежде.

— “Решись, и ты свободен!” — выкрикнула она фразу Марка Аврелия.

— Хорошо сказано! — поддержала Любка.

При втором бокале Жанне вспомнилась та женщина на бульваре Гагарина, она хотела, было, рассказать о ней Любке, но передумала — не надо портить праздник.

В дверь позвонили. На пороге стоял Влад. Увидев его, Жанна похолодела. По его виноватому лицу она поняла, что свобода куда-то ускользает от неё. Действительно, Влад приехал с продуктами и извинениями.

— Не буду! — заупрямилась Жанна.

— Я сам тебе стану возить продукты. У меня же машина под рукой, — уговаривал Влад.

— Да не хочу я! Устала!

— Но ведь у тебя нет работы.

Это был действенный аргумент.

— А когда я найду её, если целыми днями за орешницей?

— Стряпай хотя бы десятку. Пожалуйста! — Влад был жалок в своём буржуйском желании не упустить свою выгоду. Казалось, он сейчас упадёт перед ней на колени.

Ей не было его жаль, но она всё же после настойчивых уговоров согласилась.

— Ладно, буду стряпать по десять кило. Это семь с половиной часов. В общем-то, рабочий день на любом предприятии. А в оставшееся время начну себе работу искать.

На том и порешили.

— Симпатичный, — сказала Любка про Влада, когда тот ушёл. Глаза её блеснули — то ли от шампанского, то ли ещё от чего.

— Так себе, — хмыкнула Жанна. — Жлоб, каких мало.

— Уговаривал? — Люба знала про ссору.

— Угу.

— Уговорил?

— Угу.

— А сама-то: “Ни за какие коврижки, с орехами покончено! Решись и ты свободен!..”

— Немного ещё постряпаю.

— Всё-таки он тебе нравится, раз согласилась. — Любка неприятно засмеялась.

— Вот ещё, — устало ответила Жанна.

Несколько дней она стряпала орешки и искала работу. Денег катастрофически не хватало. Сто рублей — это не двести. Но на двадцать килограммов она ни за что не соглашалась. Опять эта кабала... Жанна как-то раз заикнулась о прибавке, но Влад и ухом не повёл.

Знал бы он, сколько раз к ней подходили его перекупщики и предлагали стряпать за гораздо большие деньги. И чего не согласилась? Дура! Неудобно ей! Дура и ещё раз дура. Думала: “Ну, чего бегать?” — С Владом вроде бы сработалась. Может, и он чуть повысит тариф, видя её старания. Где там! А теперь Жанна чувствовала, что ей оставалось работать у Влада недолго, поэтому и менять закупщика глупо: нервы себе только трепать напоследок.

В конце апреля Жанне предложили работу — администратором в спортивном комплексе. Она, не раздумывая, согласилась. Орешки больше не стряпала. И даже запаха их не выносила. Жанна сосчитала — за пять месяцев она состряпала их почти три тонны!

Теперь ей часто снился один и тот же сон. Огромная комната, заваленная орешками, и стоит только открыть дверь, как они лавиной польются на неё, и она потонет в этом бескрайнем орешковом море.

Однажды на работе кто-то к чаю принёс орешки со сгущёнкой. Жанне, увидевшей их на столе, сделалось дурно. Ни есть, ни видеть их она не могла. Чувство рабства хотелось искоренить навсегда.

Прошло месяца три. Влад звонил несколько раз, спрашивая, не желает ли она подработать. Жанна, естественно, не желала. А как-то под вечер в дверь её квартиры позвонили. На пороге стоял незнакомый мужчина средних лет.

— Простите, Жанна здесь живёт?

— Да, здесь. Что вы хотели?

— Это вы?

Жанна сдержанно кивнула. Видно было, что мужчина сильно обрадовался.

— У меня к вам просьба. Не откажите.

— Мы разве с вами знакомы?

— Дело в том, что мы покупали ваши орешки...

Лицо Жанны вытянулось и замерло. Она даже успела испугаться. А вдруг отравился кто?

— Мне сказали, что вы сейчас не стряпаете.

— Кто вам это сказал?

— Влад, хозяин кондитерского киоска. Он мне и адрес ваш дал. Не бесплатно, разумеется.

— Вот дрянь! — вырвалось у Жанны.

— Постряпайте орешки! — незнакомец умоляюще посмотрел на девушку.

— Нет, нет. И не просите. — Жанна попыталась закрыть дверь. — Извините, мне некогда.

— Мне действительно очень нужно, — спешно заговорил мужчина. — Мы с женой часто покупали орешки. Ваши. Жена у меня их очень любит. Детские воспоминания. Долго рассказывать. А потом вы куда-то подевались. Моя жена беременна. Она хочет орешков и именно ваших. Сколько бы мы ни покупали — всё не то, не тот вкус, понимаете?

— Я же вам сказала — нет! Я их три тонны наваляла! Меня тошнит от них!

— Один раз. Только один раз. Я заплачу столько, сколько вы скажете.

— Да при чём тут деньги...

— Я очень прошу вас. Очень. У нас долго не было детей. Жене сорок. Мне скоро пятьдесят. Мы уже отчаялись, и вдруг такая радость! Уже третий месяц. Пожалуйста, постряпайте орешки. Прошу вас.

— Третий месяц?..

Жанне вспомнилась история про мальчика без кистей рук.

— Хорошо, я постряпаю. Завтра приходите.

— Деньги, — мужчина радостно принялся расстёгивать куртку.

— Потом разберёмся.

Стряпая эти орешки, Жанна поначалу задавливалила в себе отвращение, но мысль о том, что в организме беременной женщины чего-то не хватает, смиряла её. Она мяла тесто и думала о том, каким сладёной будет малыши у этой пары, если задолго до рождения он требует выпечки. Надо будет дать им её семейный рецепт — пусть стряпают в своё удовольствие. Ведь это же не просто рецепт, а рецепт хорошего настроения!

А может быть, этот сладёна будет поступать так же, как Жанна с братом в детстве. Они брали из вазы орешки, вылизывали из них начинку и снова склеивали! Вот уж доставалась им на орехи, если кому-нибудь из гостей попадался такой сюрприз!

Жанна проработала часа четыре, выпекла пять килограммов орешков. Они получились дивные, румяные, с характерными продольными полосками и с арахисом внутри. Жанна съела парочку. Как всегда — отменные. Даже лучше, чем раньше.

Мужчина пришёл во второй половине дня.

— Как я вам благодарен, — сказал он, увидев блюдо, наполненное доверху орешками.

Он достал из кошелька крупную купюру и протянул Жанне.

— Нет, — возразила она, — только за продукты. Вот чек.

Заказчик усмехнулся:

— Да это копейки! А за работу?

— Ничего не надо. Ничего. Идите, кормите свою жену орешками.

Через два часа в дверь постучали. На пороге стоял всё тот же мужчина. В руках он держал корзину с цветами. Жанне никто никогда не дарил так много цветов сразу.

— Хорошо, что вы вернулись! — смутилась девушка. — Я забыла вам дать рецепт.

— Премного благодарен! — засиял мужчина. — Это ведь не просто рецепт!

— А что? — удивилась Жанна.

— Как сказала моя жена, ваш рецепт — это рецепт хорошего настроения!